

ББК Ч111 + ЮЗ(0)32
УДК 130. + 94(37 + 363)

А. А. Дыдров, П. А. Комлев, Э. Е. Мейер
A. Dydrov, P. Komlev, E. Meyer
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU

**МЕТАМОРФОЗЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ
ИСТОРИИ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ НАРОДОВ
METAMORPHOSIS OF SELF-IDENTIFICATION ON THE BASIS
OF HISTORY LATE ANTIQUE PEOPLE**

Аннотация: Данная статья посвящена самоидентичности человека и ее метаморфозам в эпоху поздней античности. На самоидентичность можно посмотреть в разрезе трансмутации как на объяснение человеком самого себя. Выделены три направления взаимодействий римлян с иными народами в позднюю античность, обуславливающие трансмутацию.

Ключевые слова: романизация; дероманизация; трансмутация; самоидентичность; поздняя античность; Римская империя.

Abstract: This article focuses on self-identity of the person and its metamorphosis in the era of late antiquity. The self-identity can be reviewed in the context of transmutation as an explanation of the man himself. It has identified three directions of cooperation with other people by the Romans in late antiquity which determine transmutation.

Keywords: Romanization; de-Romanization; transmutation; self-identity; late antiquity; the Roman Empire.

Проблема идентичности – одна из ключевых в исторической науке, философской антропологии и философии культуры, психологии и иных областях знания. «Познай самого себя» – давнее требование к человеку и вместе с этим основа человекознания. Человек определяет себя в творчестве, любви, смерти, страхе, мечтах и многом другом. В терминах семиотики самоидентичность выражается в присвоении человеком фрагмента знаковой реальности, в прочной связи элемента общей матрицы знаков с фигурой индивида.

Небезызвестно также, что самоидентичность человека – процессуально-динамическая компонента бытия человека. Динамизм выражается, в частности, в присвоении индивидом новых фрагментов знаковой реальности. Поскольку в авангарде самоидентичности находится имя, «концентр» личности, маркер, определяющий индивида и обозначающий его место в обществе и социальных структурах, постольку изменение имени является одной из важнейших трансформаций внутреннего мира и социальности человека. Очевидно, что динамизм самоидентичности может быть выражен, в числе прочего, в терминах семиотики. Жизнь человека, меняющего свое имя, переопределяющего свое место в мире

и обществе, прочно связана с процессом трансмутации. Этим понятием оперировал советский мыслитель М. К. Петров в работе «Язык. Знак. Культура» [9, с. 44–45]. Основным механизмом трансмутации – объяснение, позволяющее выразить полученное знание «собственным» языком. Динамизм самоидентичности в данном разрезе находится в одной «упряжке» с механизмами трансмутации. Говоря упрощенно, человек с определенного момента начинает определять (объяснять) самого себя иначе, нежели раньше.

В данной статье мы попытаемся определить направления трансмутации самоидентичности человека. Ограничимся эпохой поздней античности, дающей богатый материал для некоторых теоретических положений. На примере поздней античности в будущем можно рассмотреть трансмутацию самоидентичности человека в иные исторические эпохи.

В период поздней античности отчетливо видны метаморфозы самоидентичности человека. Эти метаморфозы происходили в контексте отношений римской цивилизации с так называемым «варварским» миром. Римляне и «варвары» воздействовали друг на друга, соперничая за преобладание в регионе, оказывая друг на друга политическое, экономическое и культурное влияние. Возникло как минимум три направления взаимодействия римлян с иными народами, влияющих на идентичность человека:

- 1) переезд «варваров» в Рим, сопровождавшийся разрывом их связей со своими традициями;
- 2) переезд римлян за пределы *Pax Romana* и принятие традиций тех народов, на территории которых они оказались;
- 3) переезд «варваров» на территорию империи и сохранение ими своих традиций, неприятие образа жизни римлян.

Все три линии взаимодействия существовали одновременно на протяжении всей жизни римской империи на всех ее границах и, в особенности, на северных рубежах.

Несомненно, самым распространенным, массовым и часто упоминаемым в источниках было проникновение пришлых людей в лоно римского мира. Данный процесс проходил под непосредственным влиянием римской идеологии и являлся неотъемлемой частью бытия античной цивилизации. Империя была вынуждена «переваривать» различными способами те или иные инокультурные элементы, оказавшиеся в зоне ее домината. Это «переваривание», получившее название «романизации», заключалось в «прививке» иноземцам различных черт римского образа жизни, этоса или менталитета [11, с. 66]. Следствием «прививки» была трансмутация самоидентификации чужеземцев. В социокод «варварской» культуры внедрялись элементы римской культуры, что, в свою очередь обуславливало отрыв иноземцев от собственных культурных корней. Трансмутация самоидентификации чужеземцев, по-видимому, иногда доходила до крайности: «варвар» называл себя римлянином, считая римскую империю своей родиной.

Особенностью римской государственности в IV столетии было почти повсеместное распространение римской культуры на подчиненных территориях.

Единство языка, архитектуры, стиля жизни, системы провинциального и местного самоуправления – таков закономерный результат гегемонии империи [11, с. 70, 76, 77]. В обозначенный период не происходило приращения земель. Тем не менее, увеличился приток иноземцев, желавших служить в римской армии или добиться прочного положения в римских общинах. Римская идеология постепенно менялась: если в эпоху ранней империи было сильно влияние политеизма, то в IV в. н. э. духовной надстройкой общественных отношений уже было христианство. Вера в единого всемогущего Бога-творца была прочно связана с абсолютистской властью кесаря. Христианство существенно повлияло на римский быт, на отношения между гражданами империи и чужеземцами. Христианизация пришлых людей – один из основных каналов трансляции римской культуры. Римские христианские миссионеры взаимодействовали с иными народами, неся слово божье и добиваясь определенных результатов [8]. Этим также и объясняются довольно прохладное отношение лидеров этих общин к своим, «доморожденным», христианам и гонения на них, завершившиеся бегством их в римские пределы [7, с. 58].

Романизация протекала как насильственным, так и вполне мирным путем. Изменение самоидентификации, по-видимому, довольно длительный процесс, требующий смены двух или трех поколений, что подтверждается примерами с готами, принявшими некоторые римские обычаи через полстолетия после вторжения в империю.

Примером насильственной романизации, принуждения иноземцев к отрыву от их культурных корней, являлось расселение пришлых людей в различные регионы империи. При императоре Пробе военнопленных сгруппировали по 50 человек и расселили по разным уголкам страны. Это, естественно, ослабило чужеземных воинов. Под угрозой оказались приверженность военнопленных своим традициям и прочная связь с родной культурой [10, с. 69, 70, 73–74]. Подобным образом поступали тетрархи в IV веке, когда расселяли карпов по империи, в основном рассредоточив иноземцев вдоль Дуная [11, с. 249]. Также позднее поступил Карл Великий, расселив непокорных саксов.

Практически каждая крупная военная акция Рима заканчивалась пленением и расселением вражеских солдат. Шансы сопротивляться давлению римской идеологии при таком положении дел были мизерными. Принятие «варварами» римского образа жизни, хоть и номинальное, могло гарантировать выживание чужеземцев в условиях римского мира и культуры цивилизованного народа. В итоге культура иноземцев поглощалась римским укладом жизни. Со временем «варвары» могли считать себя деталями слаженного государственного механизма.

В 382 г. готы были поселены в придунайских провинциях Рима на правах федератов. Этот факт был прочно связан с риском для готских традиций и обычаев, с возможным изменением идентичности отдельных представителей древнегерманского союза племен, метаморфозами готской культуры. Однако римский образ жизни, по-видимому, поначалу сравнительно слабо повлиял на готов. Готские общины имели довольно прочные связи, члены общин прежде всего

стремились сохранить культуру языка. Позднее, в V в., готы уже активно перенимали римские обычаи. Это выражалось многочисленными попытками решения проблем «чисто римским» путем, без демонтажа римской административной системы, копированием римской войсковой структуры и института федератства [6]. Авит был провозглашен императором и наделен правом представительства политических и экономических интересов перед Равеннским престолом (подобным образом пытались обратить на себя внимание политики в Британских и Галльских владениях). Убедительным свидетельством гегемонии римской культуры являлось самоназвание готских королей. Судя по имеющимся источникам, они не называли себя королями (*rex*), опасаясь, вероятно, реакции политического центра империи. Примером бесконфликтного взаимодействия являются отношения римлян и скиров. Скиров нельзя было отдавать в рабство, им позволялся земледельческий труд [10, с. 75–76].

Для другого, принципиально отличного направления взаимодействия римлян с иными народами было характерно заимствование римлянами, оказавшимися за пределами римской ойкумены, обычаев и традиций других народов. С III века участились, а в V веке стали нормой случаи попадания римских граждан или лиц, подвергшихся романизации, во внеимперскую среду. Причиной тому были грабительские налеты различных общностей и их союзов на приграничные земли империи или на территории римских провинций. Так в инородную среду, в данном случае готско-тервингскую, попали родители видного религиозного деятеля, автора первого готского перевода Евангелия Ульфилы. Несмотря на враждебность окружающей среды, он получил достаточно неплохое образование, знал, помимо готского, греческий и латинский языки [1]. Иными словами, переселенцы не разрывали связь с римской культурой, но в известной мере приспособлялись и к местным условиям. Автор готского перевода Евангелия получил германоязычное имя и проделал, по-видимому, огромную работу по переложению и адаптации сложного библейского текста. Однако можно сказать, что родители Ульфилы долгое время считались чужаками, и только Ульфила мог претендовать на место в общине [11, с. 121].

Бывали случаи, когда римские подданные, оказываясь в «варварской» среде, со временем осваивались на новом месте и даже добивались уважения аборигенов. Например, слуга Онегесия, сподвижника Аттилы, принял скифский образ жизни [5, с. 114–118]. Этот человек, переживший набег гуннов, считал новую жизнь лучшей в сравнении с прежней.

В период переселения народов на территорию Римской державы были примеры сохранения иноземцами своих традиций и культурных черт. Нередко чужеземцы стремились подчеркнуть принципиальные различия собственной и римской культур. Ярким примером тому были вандалы, занявшие африканские провинции и проводившие там открытую антиримскую политику, негативно относившиеся к противникам арианской ереси и многим представителям местной администрации [3, с. 92; 4, с. 595–605]. Причинами такого явления были трансформация римской идеологии, точнее, кризис институтов романизации, а также слабость центрального правительства, неспособного подавить данные движения.

Все обозначенные линии взаимодействия римлян с иными народами сопряжены с проблемой самоидентичности человека и трансмутационным механизмом. Человек, меняющий место жительства, утрачивая связь с родиной, фактически вынужден отражать атаки инородной культуры. Впрочем, он может и сдаться, как сделал это слуга Онегесия, получив определенное признание в чужой среде. Трансмутация прочно связана с вопросом «кто я». Мы предполагаем, что даже очень большая «устойчивость» к веяниям чужой культуры не исключает трансмутационных процессов. Одной из сложных проблем, которую, по-видимому, только предстоит решить историкам, является проблема самоидентичности вандалов. Неужели высокая сопротивляемость римскому образу жизни изолировала вандалов от культуры *Rex Romana* и никак не сказалась на самоидентичности германцев? В это трудно поверить.

Библиографический список

1. Доросторский, Авксентий. О вере, жизни и кончине Ульфила / Авксентий Доросторский // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной церкви. – 2011. – № 4(41). – С. 105–116.
2. Аммиан Марцеллин. Римская история / Аммиан Марцеллин. – СПб. : Алетейя, 2000. – 563 с.
3. Бьюри, Д. Крушение империи / Д. Бьюри. – М. : Центрполиграф, 2013. – 221 с.
4. Голдсуорти, А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи : монография / А. Голдсуорти ; пер. с англ. А. В. Короленкова, Е. А. Семеновой. – М. : АСТ, 2014. – 733 с.
5. Гордон, К. Эпоха Аттилы. Римская империя и варвары в V веке / К. Гордон. – М. : Центрполиграф, 2014. – 253 с.
6. Ермолова, И. Е. Римская империя и федераты в IV в. / И. Е. Ермолова. – <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1361795291#1> (дата обращения : 19.11.2015).
7. Томпсон, Э. А. Гунны. Грозные войны степей / Э. А. Томпсон. – М. : Центрполиграф, 2008. – 256 с.
8. Орозий, Павел. История против язычников / Павел Орозий. – http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Orozij_2/frametext7.htm (дата обращения : 19.11.2015).
9. Петров, М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
10. Фюстель де Куланж, Н. Д. Римский колонат. Происхождение крепостного права / Н. Д. Фюстель де Куланж. – М. : КРАСАНД, 2011. – 224 с.
11. Хизер, П. Падение Римской империи / П. Хизер. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 795 с.